

Санкт-Петербург
Олеандр сирень и башня им. Мусоргского

ТАНЦ-КЛАСС

«История балетоманов» Хореографической вечер — гласила афиша, пригласила в театры оперы и балета имени Мусоргского (бывший МАМЗ), а епископские — Михайловский). Афиша была неслучайна. Впервые в Балетном мире есть в этом слове что-то несерьезное, едва ли не комическое и даже пошлорительное. Напрасное предубеждение, как равнодушие не адекватно, так балетомания — атракцион, а не искусство, прекрасного безумия, а, значит, нечто разумом не объяснимое, таинственное, овеяв личностное. И вместе с тем балетомания — явление не столько эстетическое, сколько социальное, явление истории, социологии, культуры.

Если появились научные труды на эту тему, особую главу займут балетомансы Петербурга. То будут люди разных социальных статусов, семейные и одинокие. Одни заполняли верхний ярус театра, стояли в южных коридорах за балетом, графы и барышни, а другие — в нижнем ярусе, в первом ряду партера, в зарплате асонируемых уютных ложах. Различными были их одежды и манеры, пристрастия и вкусы, но именно они образовывали ту увеличенную и знающую публику, ради которой существовала балетная специальность, благодаря которой и живет балет.

Балетоманы обыкновенные смеялись друг друга, не оставляя заметного следа. Балетоманы высокородные, включая и августейших себя, щедро одаривая артистов (особенно тачцов-пицц), но молча и жестоко покарать. Балетоманы просвещенные создавали коллекции балетных репертуаров, писали статьи и книги, закладывая фундамент профессионального балетоведения — истории, теории, критики. Эти книги давно уже вошли

Поэтому таким большим событием стало переиздание одного из главных произведений сочинений о балете. Книга «Лекции» Алексея Волынского, предпринятое два года назад московским издательством «Артист. Режиссер Театр». И вот — новый подарок, преподнесенный поклонникам Терпсихоры тем же издательством — «Записки балетомана», принадлежавшие первой жемчужина Димитрия Волынского (редакция и комментарии Николая Петрова). В эту книгу Николая подготовка текста — Валерия Чистяковой, предисловие — Виты Киселевской.

Не стоит сравнивать эти работы: они разнятся по содержанию, авторским задачам, стилю письма в такой же мере, как их названия, — почти библейское «книга» в сочетании с патетическим «линонудный» и скромное, помпезное «эзопский».

[illegible]

Пристающее наблюдение за творчеством названных балерин (и, разумеется, многих других танцовщиц и танцовщиков) вплоть до артистов кордебалета), постоянные размышления над увиденным, отстраненный анализ, формальный анализ балетов, попытка разглядеть, что что оставалось незамеченным критиками профессиональными. Казалось бы, автор обращается к темсам общезвестным, общепонятным, общепризнанным, специальной литературе, но впоследствии оказывается, что он попросту вводит и продумано да самими, окрашене личност нотоначий, подкреплене таким совершенным знанием предмета, каом дается только в награду многим, а не в проповедь, а потому, становящийся главным стилем жизни.

Одначо жыццё Дзмітрыя Аляксандравіча (1924 — 1989) было чалавечым многіх талентаў, шырокіх інтарэсаў, неспойкай і імпульснасцю. Ён быў чалавек, які напоўнены не адным, а многімі талентамі. Яна пратякала па трох напрамках адначасова. Першы — у вайсковую адукацыю, дзе ён офіцера інжынерна-тэхнічнай спецыялізацыі. Стала з годаў вайны курсантом вайсковага ўзвешчана. Чарніскі ўваходзіў у склад пераможцаў вайны ў вайсковым флота. Затым досведжаны да звання палкоўніка, без малодшых дваццаць лет уважлівага на кафедры электронікі і космічнай электрадынамікі. Другі напрамак жыцця была звязана з музычнай — уладальцам імяні Рымскага-Норскава, кампазітарам, аддзяленнем Ленінградскага кампазіцыйнага ўніверсітэта, а таксама акадэмічным аўдыё-візואльным мастацтвам, з'явіўся

было не суждено. Не последнюю роль в том сыграли печально-знаменитые ждавовские постановления об искусстве, гонения на преподавателей консерватории. В число жертв попал и известный композитор В. В. Шербачев, в классе которого занимался Чепковский.

...карьера балетки не состоя-
лась, но музыкальные образова-
ние, шесть приговоров, для
третьей жизни Черкасского, од-
ной балеты. Эта жизнь про-
ходила под сводами Кировско-
го театра, на спектаклях Малого
оперного, а также в театре
Бориса Зифмана, одаривая «неизбываемыми
минутами восторга». Минуты
складывались в часы, годы, де-
сятилетия. «Пятьдесят лет в
партере Кировского театра» —
таков подзаголовок книги Чер-
касского. Звучит впечатляюще.
За эти годы страсти, любовь,
жизнь, переживания, столько же
балета, неузурпированного кри-
тика.

За свою не слишком долгую жизнь Дмитрий Черкасский успел многое, оставив солидное творческое наследие — учебники по электромеханике, партитуру балета «Накануне», книгу

о балете, объединяющую рукомес-
ленных балетных очерков и комедий. И
еще он воспитал сына, повторив-
шего в главном его собствен-
ство. Сергей Студенцицкий Серге-
ем Черкасским стал в 1937 году, по-
верившись в Кировский театр, что-
тобы исполнять там обязанности
статиста (артиста мимаса). По-
том он решил, что не имеет право
популярную карьеру ученого и
ополчительно выбрал театр. И сво-
ю первую студентская — театраль-
ная, уже на первом курсе. В 1940
году окончил Ленинградского Инсти-
тута театра, музыки и кинемато-
графии. Затем — редкие спек-
такли в Петербурге и, как ново-
го, в Ленинграде. В 1945 году, в
сезона — на посту главного ре-
жиссера в Красносельском драматиче-
ском театре имени Пушкина
на Там-то мне и довелось побы-
ть режиссером, режиссерами
Сергея.

Не всякому судить о его режиссерском таланте (это сделалось возможным только в последние годы), но в то же время в раскоре в театре имени Комиссаржевской состоится премьера его постановки по пьесе Агния «Приглашение в замок». Сказка, в которой, несомненно, скрывающаяся сына с отцом, я обнаруживаю большое внутреннее сходство — в особом интересе к мифологии, к сказкам, к фантастическим спектаклям, в стремлении к ясным и выразительным формам, чуткости к актерам и еще в чем-то не менее значимым, определяющим — в «чуждости», «иностранности». Как хорошо, что Черкасский-старший, востроженный кутрым переисом на жизнь, не только не утратил, но и добился пуга пермы, театральными успехами!

Узнать же судьбу своего литературного дитя, поддержать а руками жюри, еще плахикующуюся в неопределенности, пришло. Впрочем, оя на это время и не рассчитывал. В 1980-ые, когда составлялся репертуарный план Большого Московского театра не являлось публиковать работы «заглавного» Чернышевский писал, как будто бы он был свободен от «эпиграммического цензора» и мог позволить себе откровенность, неизменно делавшую его предметом нападок критики. В его «Записках» балетный мир показан сжурями и язвирю, с блестящего парадного спектакля до беззастыдливого сексуального подтекста. Помимо искусствоведческих достоинств книга Чернышевского ценна и как правдивое свидетельство о театре того времени. Но что случилось то, чем чужды по утлом. Стоят ли упоминаться огромному интересу к «Запискам» о театре? Или лучше оставить книгу в свет?

В новые времена стали возможными и презентации книги, в даже чествование балетоманов, приуроченное к 70-летию со дня рождения Черкасского. Для этого понадобились «всево лишь»

ми, долгими овадьями. Присутствовал и цвет хореографической науки и критики — Вероника Красовская, Галина Добровольская, Поэль Карп. Из Москвы приехал Борис Львов-Анохин, другой москвич — Вадим Гаевский оставил «автограф» в тексте программы, не успевшая и потянуть книгу Чапковского.

В фонусе вынимания неосидающая для самих себя она казалась гробом, а для зрителей Дома ветерана — спящим в мушкетере, к которому прижимали к груди чужих и своих робки с обухом, — дары шедевры спонсоров. Подарок духовного свойства — выставку «Валетамания» из фондов Театрального музея получали все зрители. В фонусе можно было приобрести «Записки балетомана» с печатью, изготовленной специально для вечера. Три экземпляра книги, украшенные автографами артистов, и сувениры достались зрителям, держащим в руках записки, предвещающие обществу побед и доброты. В фонд

Спектакль-игра динлся чуть ли не до полуволны, но даже тогда кому-то из зрителей, сидевших до конца. Отметил, что подобного столпотворения этот театр не знал давно: не занятый отстал только люстра. Да и могла быть иначе, если в программе был заявлен новый номер Аллы Осипенко? В сердцах был летоманом боролось радость тревога. Ведь балерина, оставив сцену, перенесла сложнейшую операцию: обожла ног, заявляла петляющей по спине изобретательской в Италии. Чем обернется ее возвращение?

«Звездой» или профессиональным полынгом?

Но вот уже под знаменем ко-
дета на сцене — Алла Ос-
пенко в черной балетной робе
длинной юбкой. Танцовщица в
красном, белом и черном, в
пышной фигуре, всталом, ле-
гко подпрыгнув сядной волна
кос, еще мелодию золотая. Пе-
чатная мелодия Чайковского
на слух, воспоминания, прогна-
ла со слез, впадая в слезы, по-
казало, насколько лицо, за-
искрились глаза, и поплыли по-
том сердечных наливаний, загво-
ревшая Ниеншта, Анквиста. Та-
модель танца, восторг, восторг
слова, лишь, жесты, позы,
паузы, полуодержан кавалера.
Но жесты ну, единственные
«оспенко», пронзительная, на-
меченная, жесты, позы, позы,
и глаза, все обаяло колдов-
ской силой. Казалось, в воздухе
потрескивает электричество. За
несколько минут на сцене было
процелуды года, возникла конту-
ра, восторг, восторг, восторг,
расстой. С безстрастной откры-
тенностью танцовщица поведала
о своих взлетах и паденьях,
горечи потерь, отчаянии, одино-
чии, восторг, восторг, восторг,
готовой разгнаться вновь на
взвоях, надеяться, любить и не

Талант и мужество актрисы совершили чудо. А чувствая зрителей красноречивей слов запечатлели аплодисменты, разделенные вместе с Аллой Осипенко, ее красивым юным партнером Джакомо Наньянини (Италия) и пианистом Павлом Егоровым, вдохновенно аккомпанировавшим исполнителям.

Овадны в тот вечер были долги и жаркими, а атмосфера в зале — доброй и почти домашней. Но был ли среди зрителей балетоман-творец, способный стать преемником Черкасского, — о том нам знать покуда не дано.

Ольга РОЗАНОВА.

● Алла Осипенко и Джакоппо Намичини.

● **Валерий Михайловский.**
Фото Юрия Белинского.
Фото Валерия Киверзана

ПРЕКРАСНОЕ БЕЗУМИЕ

инициатива и энергия энтузиастов. Такие в нашем городе нашлись. Идею необычного вечера разработали в мастерски осуществили хореограф Николай Боярчиков, режиссер Сергей Черкасский и арт-директор арт-центра «Медный всадник» Николай Остафьев под эгидой совместного германо-российского предприятия Trans Culture Entertainment, возглавляемого Игорем Гриншпином.

Его лирическим значимым и торжественным финалом послужили фрагменты из балетов Чайковского-Затанца «Струны любви» и «Три танцовщицы», «Панним» в исполнении балетной труппы театра имени Мусоргского. В этом роскошном обрамлении развернулось драматургическое — в зрительном зале. В концерте участвовали именитые артисты — Людмила Семкина, Любовь Кунолина, Олеся Лисицкая, Наталья Сироткина, Наталья Павлова, Валерий Михайловский, Марат Даудов, Юрий Петухов, Владимир Алямов, Александр Кудряков. В то, кого мы называем «старой гвардией», добавились и молодые звезды балетной труппы: Екатерина Кошарникова, Наталья Строич (Италия), Кейко Санамото (Япония), Андрей Баталов, Александр Кудряков (Россия), Фредерик Фавье (Франция) и другие.

[illegible]

● Алла Осипенко и Джакоппо Намичини.

● **Валерий Михайловский.**
Фото Юрия Белинского.
Фото Валерия Киверзона

Фото Валерия Кликерзина.